DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-57-61
УДК 811.161.1

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Константин Калинин

THE USE OF GRAMMATICAL PARALLELISM IN OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE: A HISTORICAL ASPECT

Konstantin Kalinin

This article studies the functions of grammatical parallel constructions in Old Russian oratorical prose (the 11th–14th centuries) from a historical perspective. Grammatical parallelism became widespread as a method of text rhythmization and an element of text composition. A comparative analysis of the texts, representing Old Russian eloquence of the Kievan (the 11th–14th centuries) and Moskovian (the 15th–16th centuries) periods in the history of the Russian literary language, allows us to determine the features of the grammatical parallelism use as a means of text organization. A characteristic feature of this technique usage in the Kievan period is the inclusion of constructions in the ranks of maxims, allegorical interpretations of parable, and quotations from biblical texts. In this era, grammatical parallelism was used as a technique for syntactic communication and for creating the semantic space of a text in the constructions of chain stringing of predicative units. In the Moskovian period, grammatical parallelism served to express the artistic emotionality of speech, mainly in the style of “word weaving”. In general, the historical perspective of the grammatical parallelism use in the texts of Old Russian oratorical prose can be defined as a transition from the function of meaning formation to the function of rhetorical strengthening of the utterance.

Keywords: grammatical parallelism, text organization, Kievan period, Moskovian period, Old Russian oratorical prose.

Настоящая статья посвящена изучению функционирования конструкций грамматического параллелизма в древнерусской ораторской прозе (XI–XVI века) в историческом аспекте. Широкое распространение грамматический параллелизм получает как прием ритмизации и композиционный элемент текста. Сопоставительный анализ текстов древнерусского красноречия киевского (XI–XIV века) и московского (XV–XVI века) периодов истории русского литературного языка позволяет определить особенности использования грамматического параллелизма как средства организации текста. Характерной особенностью употребления приема в киевский период является включение конструкций в ряды предложений, аллегорическое толкование притч и цитирование библейских текстов. В эту эпоху грамматический параллелизм используется как прием синтаксической связи и построения смыслового пространства текста в конструкциях цепочечного нанизывания предикативных единиц. В московский период грамматический параллелизм служит для выражения художественной эмоциональности речи, главным образом – в стиле «плетения словес». В целом историческую перспективу употребления грамматического параллелизма в текстах древнерусской ораторской прозы можно определить как переход от функции образования смысла в функции риторического усиления высказывания.

Ключевые слова: грамматический параллелизм, организация текста, киевский период, московский период, древнерусская ораторская проза.

Изучение приемов и способов построения текста – актуальная проблема отечественной филологии последних десятилетий. Ответ на вопрос, как происходит отбор языковых средств и их соединение в структурно-семантическом единстве текста, требует привлечения широкого

материала для исследований. В этом контексте наименее изученной областью русистики является исторический аспект, обращение к вопросу об организации древнерусского текста. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей употребления одного из широко распространен-

ных в древнерусской книжности приемов текстообразования – грамматического параллелизма.

В качестве материала для изучения закономерностей функционирования этого приема выбраны тексты древнерусской ораторской прозы XI–XVI веков, которые, с одной стороны, являются наиболее распространенным жанром средневековой русской словесности, особенно в ранний период ее бытования, и отражают основные процессы развития русского литературного языка, а с другой – наиболее последовательно реализуют принцип грамматического параллелизма. Это можно объяснить тем, что одной из наиболее ярких характеристик ораторской прозы является повторяемость языковых единиц различных ярусов [Демкова, с. 8]. Исследователь древнерусской словесности Н. С. Демкова подробно анализирует роль повторов в древнерусской ораторской прозе. Характерной особенностью жанра являются повторения самых разных элементов текста: «образов, идей, тем, мотивов, стилистических формул, синтаксически подобных (и даже тождественных по композиции) фрагментов» [Там же]. Исследователь приходит к мысли о том, что эти повторения позволяют автору организовать идейно-тематическое своеобразие памятника. Создаваемые в тексте амплификации, с одной стороны, усиливают дидактический тон повествования, а с другой – оказывают на читателя или слушателя эмоциональное воздействие [Там же, с. 15]. Наконец, следует отметить, что повторы отражают и особенности мировоззрения древнерусского человека, которое основано на христианской аллегории [Там же, с. 16].

К сказанному необходимо, на наш взгляд, добавить то обстоятельство, что произведения красноречия предназначались для произнесения вслух. Различные повторы позволяли легче запомнить текст, а также оказывали определенный эмоциональный эффект на слушателя, формировали его отношение к описываемому. Таким образом, можно полагать, что повторы являются стилиевой чертой древнерусской ораторской прозы.

На высшем уровне языка эта особенность выражается в повторении синтаксических схем смежных фрагментов текста. Такая организация обуславливает выравнивание в них грамматических форм, а также значений соотносимых слов. Эти явления формируют построение, определяемое нами как конструкция грамматического параллелизма. Как единица текста она раскрывается в единстве структурного, семантического и функционального аспектов [Калинин, с. 95].

Отметим, что можно выделить различные структурные схемы конструкций грамматического параллелизма. В основе их выделения лежит мысль о том, что соотносимые фрагменты текста могут быть более или менее однотипными в своей структуре. Рассмотрим два примера, иллюстрирующих эту мысль:

1. ...*научить (1) каждо искренняго своего и (2) человекъ брата своего;*

2. ...*(1) грѣха ради озлобляет ны и (2) паки покаяния ради приемлетъ.*

В первом примере из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI век) каждый элемент конструкции совпадает в своей грамматической форме и синтаксической роли с элементом из другой конструкции. Их семантическую корреляцию образуют контекстные синонимы (*каждо* – *человекъ*, *искренняго* – *брата*) и лексический повтор (эпифора). Такое построение можно определить как абсолютный грамматический параллелизм.

Второй пример из слова Кирилла Туровского (XII век) содержит несколько вариаций оформления смежных фрагментов текста, но в целом построенных по одной синтаксической схеме. Во второй части появляется слово *паки*, а также исчезает общее слово *ны*, которое легко восстанавливается в контексте. Это построение можно определить как неполный грамматический параллелизм с вставкой и пропуском.

Единство частей фрагмента во втором примере достигается не только их структурной организацией, но и семантической корреляцией. Стоящие в одинаковых позициях контекстные антонимы (*грѣха* – *покаяния*; *озлобляет* – *приемлетъ*) формируют семантику противопоставления. Этот пример иллюстрирует общую мысль о том, что семантическое пространство конструкций грамматического параллелизма формируется в зависимости от особенностей соотношения значений слов, в частности это касается синонимов и антонимов. Важным приемом, который связывает части конструкций как единое семантическое целое, является лексический повтор в различных его проявлениях (собственно повтор, анафора, эпифора, симплока и т. п.).

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет говорить о конструкции грамматического параллелизма как о структурно-семантическом единстве, формирующем текстовое пространство. Однако рассмотрение приема лишь в этих аспектах не позволяет ответить на вопрос о роли грамматического параллелизма, то есть функциональной значимости на уровне текста. Остановимся на этом аспекте подробнее.

Анализ древнерусской ораторской прозы XI–XVI веков позволяет выделить общие возможности употребления грамматического параллелизма на всем протяжении указанной эпохи, а также выделить исторические разновидности функционирования приема. Для большинства текстов древнерусской ораторской прозы характерно употребление грамматического параллелизма как приема ритмизации и средства композиционного связывания текста.

Для выявления исторических разновидностей употребления конструкций грамматического параллелизма необходимо разбить тексты в соответствии с периодами развития истории русского литературного языка. По-разному характеризуя их, исследователи все же единодушно противопоставляют киевский (XI–XIV века) и московский (XV–XVI века) периоды. В работе мы опираемся на определение их языковой ситуации, предложенное А. М. Камчатновым:

а) «языковая ситуация Киевской Руси была одноязычной, роль литературного языка выполнял древнерусский литературный язык, в образовании которого участвовали две стихии – старославянская и восточнославянская» [Камчатнов, с. 56];

б) «в XV веке в Московской Руси возникает новая языковая ситуация, для которой характерно противопоставление книжно-письменного и разговорного („простого“) языков» [Там же, с. 104]. Рассмотрим особенности употребления грамматического параллелизма в текстах указанных эпох.

В произведениях киевского периода ведущая роль грамматического параллелизма заключается в образовании смысловых отношений в тексте. В древнерусском языке в указанную эпоху еще не существует широкой системы выражения различных семантических отношений между фрагментами текста, в частности не представлена строгая система выражения подчинительных отношений между предикативными единицами. Как указывает В. В. Иванов, «в древнерусском языке сохранялась еще и нерасчлененная структура сложного предложения, которая заключалась в „нанизывании“ предложений одного за другим» [Иванов, с. 389]. Этот принцип цепочечного нанизывания предикативных единиц характерен и для текстов древнерусской ораторской прозы [Колесов, с. 114], [Ломтев, с. 486]. Одной из характерных его примет является однотипность рядом стоящих предикативных единиц [Ремнева, с. 414]. Таким образом, сам синтаксис обуславливает появление конструкций грамматического параллелизма, а семантические

отношения, возникающие в них, формируют идейно-тематическое пространство текста.

Использование грамматического параллелизма в древнерусской ораторской прозе связано с несколькими возможностями приема. Во-первых, многократное цитирование библейских текстов, для которых параллелизм является ведущим приемом построения эмоциональной речи [Ремнева, с. 72], формировало традицию древнерусского красноречия. Во-вторых, однотипные построения смежных конструкций являются типичным средством оформления сентенций. Это соответствует дидактическому тону изучаемых произведений. Сказанное можно проиллюстрировать примером из «Поучения» Луки Жидяты (XI век): (1) *ни убиши* (2) *ни укради* (3) *ни солжи* (4) *лжи послухъ не буди* (5) *не завиди* (6) *ни оклеветчи*. В отрывке представлен ряд библейских заповедей, художественно обработанных автором произведения путем использования синонимов. Каждая из частей конструкции представляет собой сентенцию, главным словом которой является предикат – сказуемое в форме повелительного наклонения.

Еще одна особенность, характерная для отрывков текста с помощью грамматического параллелизма, связана с построением толкования притч, широко используемых в древнерусской ораторской прозе. Притчи используются как аллегорическое истолкование истин христианства. В таких текстах художественное пространство определяется двумя плоскостями: рассказ о понятном для читателя или слушателя событии и его толкование. Сама идея притчи подсказывает автору выбор грамматического параллелизма для построения текста. Ярким примером такой организации текста являются фрагменты «Послания пресвитеру Фоме» Климента Смолятича (XII век). Приведем один из них: (1) *самаряныни есть душа* (2) *пять мужъ ея пять чювьствъ, а* (3) *шесты мужъ ея умъ*, (4) *кладязь Иаковль запинатель по Иаковъ*, (5) *сынове Иаковли добрыа дѣтели*, (6) *скотии же блази помыслы*.

Анализ текстов древнерусской ораторской прозы киевского периода позволяет констатировать, что употребление грамматического параллелизма связано, в первую очередь, с семантическим наполнением текста, а с другой – отвечает жанровым установкам древнерусской ораторской прозы. Этот прием дает возможность автору вводить в текст цитаты библейских текстов, сентенций и аллегорические толкования притч.

Для московского периода развития русского литературного языка характерно усиление в письменной речи книжных традиций и ориентация на тексты сакрального стиля. Проповедниче-

ская литература в этот период находится под сильным влиянием византийских и южнославянских традиций (второе южнославянское влияние). При этом древнерусские книжники не только не отказываются от традиций киевского периода, но, наоборот, берегут это наследие [Еремин, с. 150]. В московский период в словесности вырабатываются, расширяются и обогащаются выразительные средства языка [Виноградов, с. 31]. Таким средством является и грамматический параллелизм, который в эту эпоху получает широкое распространение как прием риторического усиления высказывания.

Повторы, в том числе и синтаксические, составляют основу стиля «плетения словес», широко распространенного в текстах московского периода. Синтаксические повторы, по указанию В. М. Жиякова, позволяют оказывать эмоциональное воздействие на читателя или слушателя, обратить его внимание на описываемое событие или на персонажа. Это создает установку текста на публицистичность и риторичность [Жияков, с. 73]. Приведем пример из произведения ораторского красноречия «Послание Вассиану Патрикееву» Нила Сорского (XVI век), несомненно, ощутившего влияние традиций «плетения словес»: *(1) колики скорби и развращения имат миръ сей мимоходящий (2) и колика злоюства сътворяет любящимъ его (3) и како посмѣвается, отходя от работавших ему.*

Создание яркой эмоциональности и выразительности с помощью грамматического параллелизма используется в тексте «Слова о хмеле» (XV век): *(1) О комъ молва в людех? О пианици. (2) Кому сини очи? Пианици. (3) Кому охание велико? Пианици. (4) Кому горе на горе? Пианици. (5) Кому проспати заутреня? Пьянчиву челоуѣку.* В приведенном отрывке, построенном с помощью грамматического параллелизма, используются приемы, формирующие публицистичность речи (повторы, риторические вопросы, вопросно-ответная форма).

Также можно отметить, что в текстах ораторской прозы московского периода конструкции грамматического периода встречаются значительно реже, чем в текстах киевского периода. Для наглядности можно привести данные статистического анализа. Конечно, ограниченная выборка (51 текст) и разный объем изученных текстов не позволяют считать эти данные полностью объективными. Однако они могут дать общее представление о частотности употребления грамматического параллелизма. Так, в 38 текстах ораторской прозы киевского периода было выявлено 565 примеров, а в 13 текстах московского периода – 180 примеров. Отметим, что средний

объем текста московского периода в целом значительно больше. Это сокращение частоты употребления грамматического параллелизма, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в московский период формируются новые приемы риторического усиления высказывания, которые активно используются наряду с грамматическим параллелизмом. Также следует помнить, что с XV века меняется структура высказывания, что приводит к разрушению старых формул текста, вытеснению принципа цепочечного нанизывания предикативных единиц и усилению предикативности и модальности предложений [Колесов, с. 498]. Это также приводит к уменьшению случаев употребления грамматического параллелизма в текстах.

В самом общем виде историческую перспективу употребления грамматического параллелизма в текстах древнерусской ораторской прозы можно представить следующим образом: переход от функции образования смысла к функции риторического усиления высказывания. Таким образом, проведенное исследование позволяет выявить особенности употребления грамматического параллелизма в его историческом освещении.

Список литературы

- Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.
- Демкова Н. С. Поэтика повторов в древнеболгарской и древнерусской ораторской прозе XI–XIII вв. // Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретация, источники. СПб.: изд-во СПбГУ, 1996. С. 5–17.
- Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: изд-во ЛГУ, 1987. 327 с.
- Жияков С. В. О стиле «плетения словес» в древнерусской литературе XIII века // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. № 1(3). С. 72–76.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
- Калинин К. А. Грамматический параллелизм как единица текста древнерусской ораторской прозы // Язык как материал словесности. Казань: Бук, 2019. С. 94–102.
- Камчатнов А. М. История русского литературного языка (XI – первая половина XIX века). М.: Академия, 2005. 688 с.
- Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб., М.: Академия, 2009. 512 с.
- Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: изд-во МГУ, 1956. 596 с.
- Ремнева М. Л. Старославянский язык. М.: изд-во МГУ, 2011. 672 с.

References

- Demkova, N. S. (1996). *Poetika povtorov v drevnebolgarskoi i drevnerusskoi oratorskoi proze XI–XIII vekov* [Poetics of Repetition in the Old Bulgarian and Old Russian Oratorical Prose of 11th –13th Centuries]. Srednevekovaia russkaia literatura. Poehtika, interpretatsiia, istochniki. Pp. 5–17. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ. (In Russian)
- Eremin, I. P. (1987). *Lektsii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury* [Lectures and Articles on the History of Old Russian Literature]. 327 p. Leningrad, LGU Publ. (In Russian)
- Ivanov, V. V. (1983). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 399 p. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Kalinin, K. A. (2019). *Grammaticheskii parallelizm kak edinita teksta drevnerusskoi oratorskoi prozy* [Grammatical Parallelism as a Unit of the Text of Old Russian Oratorical Proze]. Iazyk kak material slovesnosti. Pp. 94–102. Kazan, Buk Publ. (In Russian)
- Kamchatnov, A. M. (2005). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI – pervaiia polovina XIX veka)* [History of the Russian Literary Language (the 11th – the First Half of the 19th Century)]. 688 p. Moscow, Akademia Publ. (In Russian)
- Kolesov, V. V. (2009). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 512 p. Saint Petersburg, Moscow, Akademia Publ. (In Russian)
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo iazyka* [Essays on the Historical Syntax of the Russian Language]. 596 p. Moscow, MGU Publ. (In Russian)
- Remneva, M. L. (2011). *Staroslavianskii iazyk* [Old Slavonic Language]. 672 p. Moscow, MGU Publ. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1978). *Izbrannye trudy. Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [Selected Works. History of the Russian Literary Language]. 320 p. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Zhiliakov, S. V. (2019). *O stile "pleteniia sloves" v drevnerusskoi literature XIII veka* [About the Style of "Weaving of Words" in Russian Literature of the 13th Century]. Khumanitarni Balkanski izsledvaniia. No. 1(3), pp. 72–76. (In Russian)

The article was submitted on 22.09.2020

Поступила в редакцию 22.09.2020

Калинин Константин Андреевич,
аспирант,
Московский педагогический
государственный университет,
119991, Россия, Москва,
Пироговская, 1, стр.1.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
graduate student,
Moscow Pedagogical State University,

1 Malaia Pirogovskaia Str.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru